

Маргарита
ЮЖИНА

Невесты
по
Вызову

Ирония любви

Маргарита Южина
Невесты по вызову

«Маргарита Южина»

2013

Южина М. Э.

Невесты по вызову / М. Э. Южина — «Маргарита Южина»,
2013 — (Ирония любви)

ISBN 978-5-699-61717-3

Мадам Коровина решила немедленно женить сына. Свекровь мадам Коровиной тут же подыскала невесту – но какую!.. Шустрая девушка моментально переселилась в квартиру со своими вещами и родственниками. Чтобы выгнать нахалку из дома, мадам Коровина сама нашла претендентку на руку и сердце сына – однако та оказалась еще хлеще. Пришлось срочно приглашать следующую. И следующую... Появлению новых и новых девиц никто из Коровиных был не рад, кроме... отца жениха. Круговорот невест в квартире будоражил его – только как объяснить это своей благоверной?..

ISBN 978-5-699-61717-3

© Южина М. Э., 2013
© Маргарита Южина, 2013

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Маргарита Южина

Невесты по вызову

Глава 1

Мария Адамовна Коровина, женщина еще относительно молодая, плавно вышагивала по кабинету и, время от времени поправляя прическу, задорно вещала:

– Дорогие мои! На прошлом занятии я предупреждала вас, что сегодня мы будем учиться танцевать! Танцы – это... Повеселее, пожалуйста, слушаем, когда я произношу это священное слово! Вы же... Вы же белые лебеди в озере любви!

«Лебеди» – несколько унылых, замотанных бытом одиноких женщин, самой молоденькой из которых недавно отмечали сорокалетний юбилей, да единственный сухонький старичок, глядели на Марию Адамовну совсем без энтузиазма. Они уже не первый месяц посещали сей клуб под обнадеживающим названием «Ох, счастличик!», который обещал каждому по великолепному супругу в самом скором времени. Однако ж великолепные супруги отчего-то не находились, хоть женщины исправно платили деньги, исполняли все задания руководителя – Марии Адамовны и свято верили, что уже вот-вот и по их душу проиграет марш Мендельсона. И все же с каждым месяцем надежды оставалось все меньше, а задорные искры в глазах остались разве что у самой Марии Адамовны. Но оно и понятно – она единственная из всех была замужем.

– Итак! – продолжала лучиться Мария Адамовна. – Я предупреждала про танцы и просила вас... Вера Игнатьевна, что я просила?

– Вы просили... это... Деньги сдать на диск, – пробурчала Вера Игнатьевна, особа в кроссовках и ярких спортивных брюках китайского кутюрье.

– Деньги? Да нет же!.. Ну и деньги тоже, но!.. – вытаращила мадам Коровина тщательно подведенные глазки. – Боже мой! Я просила всех прийти на каблуках! А вы, Вера Игнатьевна, почему опять в кроссовках?

Пока Вера Игнатьевна возмущенно собиралась с мыслями, некоторые несознательные члены коллектива, в частности старенькая Анна Никитична в стоптанных сапогах, старательно прятали ноги под стулья.

– Тык правильно! – наконец созрела Вера Игнатьевна. – Я ж сюда-то каждый раз прямо с работы! Мне чего – дворы-то мести на шпильках, что ли? Ха! Много я там намету! Там же такого наворотят! Не люди, я прям не знаю кто! Вот с утраца, я вам скажу, прихожу, надеюсь на людскую сознательность и чистоплотность, а там на самом видном месте...

– Надо было сменку взять! – перебила ее Мария Адамовна. – Ну, я просто не могу так работать! Ну, посмотрите же на меня!..

Тут Мария Адамовна запнулась. Она тоже хотела напомнить, что метет дворы, однако ж вовремя прикусила язык – это было для всех членов клуба тайной. Да, Мария Адамовна не слишком рвалась к метле, однако ж требовалась стабильная зарплата, просто необходимо было на что-то проживать, а посему и она, и ее благоверный супруг рано утром исправно ходили вычищать дворы от мусора. Ну, если и не исправно, то как получалось. Казалось бы, на работе дворника можно было и успокоиться, но нет. Мария Адамовна грезилась небольшим загородным домиком, скромным джипом известной марки, надежными накоплениями в банке, а также ее организму просто необходимо было отдыхать ежеквартально на заграничных морях. Естественно, все это ей мог обеспечить только бизнес. Вот она им и занялась. Нельзя сказать, что этот бизнес приносил какие-то доходы, но надежда еще теплилась.

Но обо всем членам клуба знать было совсем не обязательно...

– Так я говорю – посмотрите же на меня! – вдохновенно продолжала возмущаться Мария Адамовна. – Вера Игнатьевна!.. Витольд Васильевич, не надо так на меня смотреть! Я замужем!.. О-ой, как же тяжело пробираться к вашему счастью... И они еще не хотят сдавать деньги!

Витольд Васильевич в знак солидарности тоже вздохнул и даже прищурил близорукие глазки, чтобы показать – как он не приветствует тех, кто такую замечательную женщину заставляет мучиться!

Мария Адамовна включила музыку, и по кабинету полились дивные, плавные звуки.

– Женщины! – бодро улыбнулась Мария Адамовна. – А теперь берем стулья, на которых сидели, представляем, что это мужчина и-и-и... плавно начинаем двигаться!

Музыка подняла настроение, женщины задвигались, стали прилаживаться к стульям, некоторые так вжились в образ, что даже старательно краснели и крепче прижимали к себе сиденья. И только далеко не молодая Анна Никитична никак не могла слиться в танце со своим «партнером». Дело в том, что до начала танцев она восседала в кресле, которое вот уже несколько минут пыталась оторвать от пола. Однако получалось неважно – мощное кресло никак не хотело менять местоположение.

Тем временем Мария Адамовна уже всю порхала между женщинами и наставляла:

– Девочки! Активнее вращаем кавалеров!.. Легче! Воздушнее! И-и... р-раз-два-три, ррраз-два-три!.. Анна Никитична! Да возьмите же вы свободный табурет! Что ж вы в кресло вцепились, будто это нефтяной магнат?! Тонечка! не наглаживайте стул, это неприлично!

В это время у Марии Адамовны зазвонил телефон, и она вынуждена была отойти к окну.

– Да, мама?! Я рабо... Что случилось?! – В трубке у Марии Адамовны были слышны только дикие рыдания, всхлипы и обрывки фраз. – Мама! Прекратите истерику! Что у вас за горе? Вам не в чем выйти в магазин?.. Хуже? У вас плохие анализы?.. Боже мой! Да что стряслось? Вы не можете... не можете говорить об этом по телефону? Ну хорошо, сейчас... Сейчас приду! Да, отпрошусь и прибегу!

Вероятно, у свекрови случился очередной нервный срыв после просмотра сериала, но оставлять ее в таком состоянии было точно нельзя. Поэтому Мария Адамовна выключила музыку и сурово покачала головой:

– Дорогие мои... Я пронаблюдала за тем, как вы танцуете... Все очень-очень плохо! Надо работать, вот что я вам скажу! Да! Поэтому... сейчас идем домой и, не жалея стульев, работаем, работаем и еще раз – работаем! Анна Никитична! Не надо с собой забирать стул! Домашний тоже составит вам чудную пару! И... Вера Игнатьевна, отлепитесь уже от Витольда Васильевича... кстати, посмотрите – он еще дышит? Что-то как-то он вяленько ножки переставляет. Занятие окончено! Жду вас на следующем занятии с деньгами!.. Да, и в туфлях на каблуках.

В это время в соседнем кабинете перед десятком уставших слушателей расхаживал мужчина средних лет, в далеко не новом костюме, с игрушечной кошкой в руках. Это тоже был клуб, назывался он «Кружок «Пушок», а руководил им супруг Марии Адамовны – Коровин Иван Михайлович. Некоторое время назад он возглавлял клуб собаководов, но по причине того, что жутко боялся собак, переключился на кошек.

– Мягонькие лапки, а в лапках цап-царапки, кто это? – лукаво спрашивал Иван Михайлович взрослых мужчин и женщин.

Те лениво тянули:

– К-о-о-ошка-а-а...

– Пра-а-авильно! – радовался руководитель клуба так, будто ему открыли секрет вечной молодости. – А давайте-ка я угадаю, у кого из вас какой питомец!

– Вы уже на прошлом занятии угадывали, – раздался голоса, но Иван Михайлович к ним не особо прислушивался.

Он только что подошел к приятной длинноногой девушке и, томно заглядывая ей в глаза, попытался отгадать:

– Вижу-ви-ижу, у вас беленькая, пушистая киска, я прав?

– Не, – ответила девушка неожиданным басом. – У меня вообще никого нет. Я с подружкой пришла.

– Упущение с вашей стороны, – швыркнул носом Иван Михайлович. – Вам обязательно надо взять кошечку. Подойдите ко мне после занятий.

Но подойти девушке было не суждено – в кабинет заглянула Мария Адамовна и громким шепотом приказала:

– Ваня! У матери какое-то несчастье! Закрывай свою богадельню и домой!

Иван Михайлович с женой никогда спорить не отваживался, поэтому только развел руками и сообщил своим слушателям:

– Вы знаете... у меня, оказывается, горе... наше занятие придется завершить. На сегодня у меня все.

Слушатели вздохнули с облегчением и потянулись к выходу, но сам руководитель выско-чил первым.

По дороге домой Иван Михайлович все пытался выяснить – что же такого ужасного приключилось у несчастной маменьки:

– Маша... Мария, что там стряслось? Я просто должен быть готов к самому ужасному! Да остановись же ты! Что ж я, как тушканчик за тобой прыгаю?!

– Не знаю, – повернулась к нему запыхавшаяся супруга. – В последний раз матушка так истерила, когда узнала, что Сердючка не женщина. Она уже решила, что Верочка Сердючка ее двоюродная племянница и даже оповестила об этом всех соседей, но... Молодой мужчина в племянницу никак не вписывался. И вот тогда...

– Так это было буквально два месяца назад, – вспомнил Иван Михайлович.

– Да, именно тогда она и узнала, а сейчас... Я даже боюсь представить! – возвела глаза к небу Мария Адамовна и понеслась в два раза быстрее.

Когда они влетели домой, баба Нюра, или, как она себя называла, Элеонора Юрьевна, томно восседала в кресле и обмахивалась дорогушим журналом.

– Мама! – сразу же накинулся на нее трепетный сынок. – Что у нас случилось? Я только набрал новую группу! У меня работа! У меня там молоденькие... м-да... у меня там только-только начали налаживаться контакты!

Баба Нюра даже не удостоила взглядом ни сына, ни невестку.

– Мама! – строго рявкнула Мария Адамовна. – Прекратите отдыхать в обмороке! А то я спрошу, откуда у вас такой дорогой журнал!

Про журнал, видимо, сработало, потому что пожилая леди открыла глаза и пролепетала:

– Произошло ужасное... – И она снова решила на некоторое время предаться тоске.

Коровины топтались на середине комнаты, но никто и ничего им прояснить не собиравался.

– Мама! – поправил очки Иван Михайлович. – И все же хотелось бы конкретики, так сказать...

– Вот что, – не выдержала Мария Адамовна. – Я вам прямо заявляю, если вы еще раз потратите дедовскую пенсию на вот такие журналы, то мне придется...

– Наш Андрюшенька... – единственное, что смогла проговорить немолодая женщина.

– Что?! – возопили оба родителя.

Андрюшенька был их единственным сыном, ребенку стукнуло двадцать пять лет, и, понятное дело, он был совершенно беззащитен в таком страшном, непредсказуемом мире. Родители даже в армию его не стали отправлять, дабы с ним не произошло ничего невообразимого! Но вот дома, как оказалось, убереечь не смогли.

– Да что с Андрюшей?! – уже львицей кинулась к свекрови Мария Адамовна.

– Нет, я не могу озвучить... – В страшном горе вскинула руку ко лбу пожилая женщина. – Я не могу... вы должны сами это увидеть! Собираемся!

– Погоди, мам... – оторопел Иван Михайлович. – Так ты еще ничего не знаешь?

– Да что такое-то?! – вышла из себя Мария Адамовна. – Вы еще сами ничего не видели, не слышали, а уже!..

Элеоноре Юрьевне уже надоело изображать вселенскую скорбь, и она вполне обычным тоном пояснила:

– Ну конечно! Я ничего не видела! А кто мне покажет? Там показ только в восемь вечера начинается! К тому же учтите, дети мои, показ состоится в приличном кафетерии, поэтому нам надо успеть еще привести себя в порядок. Да, Машенька, я в парикмахерскую, а ты погладь Ванечке ту рубашечку, помнишь, я ему на день рождения дарила?

– Это когда ему тридцать пять стукнуло?

– Маша! Да нет же! – вытаращила глаза Элеонора Юрьевна. – Когда отцу исполнилось пятьдесят! Я подарила отцу, а она ему великовата оказалась, вот и пришлось... Ну такая-то, в синенькую полосочку! Все же что ни говори, а полоска – это классика! Вот сколько лет прошло, а рубашка все еще актуальна! Как будто сегодня от Юдашкина!

– Мама, погоди, – вдруг вспомнил сын. – А как же папа? Он с нами пойдет?

– Сын мой! Отец сегодня на сутках! Должен же кто-нибудь в нашей семье работать, а не только метлой махать!

– Действительно, – фыркнула Мария Адамовна, глядя на то, как плавно свекровь удаляется из комнаты.

Очень скоро матушка покинула дом и направилась творить искусство на своей голове, а супруги остались в полном недоумении.

– Не понимаю... – пожала плечами Мария Адамовна. – Теперь маменька будет так водить нас в кафетерий?

– Маша! – взвизгнул от чувств Иван Михайлович. – Я!.. Я вообще не понимаю – как ты можешь?! Мы! Нам нельзя отказывать маменьке в этой маленькой слабости!.. Тем более когда дед только что получил пенсию. И потом... Ну мама же тебя просила – погладь мне рубашку!

Баба Нюра привела их вовсе не в кафетерий. Она направила стопы напрямиком в ресторан, да еще и не самый дешевый в городе. Правда, сегодня в ресторане было немного необычно – и публика какая-то не совсем привычная, и настрой у этой публики... Уж Мария Адамовна-то могла это оценить – сама она нередко выходила в свет со своими подопечными, так сказать, по долгу службы.

Коровины сидели недалеко от сцены, им был прекрасно виден весь зал, играла приятная музыка, и даже заказ их уже успели принести. И, казалось бы, можно было наслаждаться этим волшебным вечером, но Элеонора Юрьевна все никак не могла успокоиться.

– Я непременно подорву себе психику, – сообщила она, потягивая коктейль через соломинку. – Мне обязательно надо успокоиться... Машенька, закажи мне еще коктейль.

– Мама! – раздраженно фыркала невестка, стреляя глазами во все стороны. – Вы уже окончательно подорвали наш бюджет, теперь со спокойной совестью можете подрывать психику!

– Я не понимаю, – вертел головой господин Коровин. – А чего все ждут? Будет представление? Если да, то когда оно начнется?

– Боже! – побледнела Элеонора Юрьевна. – Уже начинается!

И в самом деле, музыка стихла, свет в зале вдруг погас и тут же снова вспыхнул, но только над сценой и пред почтенной публикой явился мужчина в цветастой рубахе и узеньких брючках.

– Здравствуйте, здравствуйте, здравствуйте! – с ходу затараторил он. – Вижу знакомые лица и нетерпение на них!

Элеонора Юрьевна хлебнула из стакана сына и мельком оглядела зал – нет ли где знакомых. Мария Адамовна нежно улыбнулась конферансье, ей казалось, что смотрел он только на нее и здоровался, естественно, тоже только с ней. Иван Михайлович и вовсе кинулся радостно наливать себе полный фужер, за знакомство.

– Ваня! Ну сделай же серьезное лицо, – толкнула его в бок жена. – Этот мужик все время на тебя смотрит и как-то подозрительно скалится!

Иван Михайлович, конечно, пытался навесить на свой лик печать задумчивости, однако это совершенно не получалось. Причем с принятием очередной дозы алкоголя, получалось еще хуже.

– Сегодня мы обрадуем вас новой коллекцией, – вещал между тем конферансье. – «Да здравствует безумная любовь!» – под таким девизом пройдет этот показ!

Народ в зале зашумел, раздались редкие аплодисменты, а Иван Михайлович от переизбытка чувств даже вскочил и рявкнул:

– Да здравствует безумная любовь! Гип-гип, ура!

Он хотел было продолжить свое выступление, но жена резко дернула его за штанину и зашипела на весь зал:

– Прижмись ты, позорище мое... Прямо... господи, люди ж смотрят!

– Я обожаю таких гостей! – всплеснул руками мужичок на сцене. – Официант! Бутылку шампанского за этот столик – подарок от заведения!

– Спасибо, спасибо, мы вам так благодарны! – подскочила Мария Адамовна, улыбаясь мужчине. – Благодарим вас за внимание... Да, а мы, в свою очередь... Ждем вас к нам в клуб...

Она все же успела подбежать к конферансье и сунуть ему в руку визитку с телефонами клуба «Ох, счастливыч!».

– Маша, – укорила ее свекровь. – Ну как неудобно – перед всем честным народом ты даешь ему свой телефон! В наше время девушки так не поступали.

– В ваше время, маменька, и телефонов-то не было. – процедила невестка, не переставая улыбаться.

Принесенная бутылка дорогого шампанского не дала разгореться ссоре. Правда, Элеонора Юрьевна по-своему распорядилась подарком, она крепко обняла бутылку шампанского и никому ее не дала. Так что Иван Михайлович довольствовался бутылкой «Буратино».

А тем временем показ мод уже начался.

На сцену под звуки музыки то и дело выбегали хорошенькие девушки в коротюсеньких платьицах, в платьицах совершенно откровенного фасона, а то и вовсе без платьев – в едва заметных шортиках и блузонах.

Элеонора Юрьевна только грустно качала головой и регулярно потягивала шампанское. Иван Михайлович, не отрываясь, разглядывал наряды танцовщиц, и только Мария Адамовна неустанно что-то чертила на салфетке карандашом для подводки глаз.

– Девушка! – крикнула она очередной модели. – Девушка, повернитесь боком, я не разглядела, какие там завязочки!.. Ага... теперь вижу... то есть здесь, на боку, вообще материала нет, да? Очень экономно... я возьму на перо...

– А чего ты на ту девушку смотришь? – вдруг пьяненько спросила Элеонора Юрьевна. – Ты вон на ту обрати внимание.

– Мама! – отмахнулась Мария Адамовна. – Ну что вы понимаете в моде! Эта девочка куда интереснее. И моделька такая... все открытенько так, свободненько, тело дышит...

– А мне, мам... – попытался незаметно отобрать бутылку у матери Иван Михайлович. – А мне мам и та девушка тоже очень понравилась. Вон какая... беленькая вся... тоненькая... Мама! Да что ж вы вцепились-то? Это ж мне подарили! За счет заведения, между прочим!

– Какая это беленькая? – не выпускала из рук бутылку бабушка. – Это вон та, что ли? Так это ж Андрейка наш, господи, боже мой!.. Убери руки, окаянный! Могу я себе раз в месяц позволить...

– Что ты сказала, мама?! – гусыней вытянула шею Мария Адамовна. – Вон та? С голыми ногами? Это наш Андрейка?!

– Мама... – мгновенно осип Иван Михайлович. – Мам... ну что же ты несешь? Эта ж... Она ж лохматая вся! У нее ж волосьев-то...

– Сын мой... – горько вздохнула Элеонора Юрьевна, опрокидывая в себя очередной фужерчик. – Есть такое волшебное слово – парик!

– Мама! Да это же... это же невозможно! – никак не могла поверить Мария Адамовна. – Какой же это... Где он научился так вульгарно краситься?!.. Да нет же... мама, ну нет же, какой это Андрейка?!

В это время «беленькая», по поводу которой и разгорелся весь спор, мило улыбнулась Коровиным и чуть заметно кивнула.

– А чего это она башкой-то? – еще больше разволновалась Мария Адамовна. – Чего это она, как тюлень, головой-то машет?

– Говорю же – Андрейка это, – пожала плечами бабушка. – И чего удивительного? Обрадовался ребенок.

Иван Михайлович был настроен совсем не так миролюбиво. Он решительно выхватил бутылку из рук Элеоноры Юрьевны, залпом допил остатки и прошипел:

– Этот ребенок у меня сегодня обрадуется! Я сегодня проведу с ним... воспитательный процесс! Я сегодня покажу ему... Макаренку! Я...

– Уходи! – оглушительным шепотом говорила Мария Адамовна «беленькой» и яростно махала руками. – Уходи быстрее, пока никто не видел! Уйди оттуда! Ну-ка! Что мамочка сказала?!

Но «беленькую» не слишком волновало, что сказала мамочка, она неторопливо закончила номер и вместе с другими очаровашками скрылась за маленькой дверью.

Через секунду Мария Адамовна была уже возле этих самых дверей, а за ее спиной слышалось суровое пыхтение Ивана Михайловича. И только Элеонора Юрьевна уже пересела за чей-то столик и кокетливо объясняла, что это именно ее внучок блистал только что на сцене.

Мария Адамовна выскочила из дверей в длинный коридор и только успела заметить, как лоскуток чьего-то платья мелькнул в одной из многочисленных дверей. Она рванула туда и вовсе уже было собралась ворваться в гнездо манекенщиц, как дорогу ей преградил огромный охранник.

– Мадамочка, сюда нельзя, – пробасил он.

– Мне можно! – оттолкнула его руку взбешенная мать.

– А я сказал, что сюда нельзя, не буяньте, – упрямо стоял на своем охранник. – Чего это вы?

– Да мне... Мне быстренько, – пыхтела Мария Адамовна, пытаясь сдвинуть здоровенного бугая. – Мне... Только автограф взять! Я только возьму и... и все!

– И я тоже, – послышалось сопение Ивана Михайловича. – Я тоже... только автограф оставлю, и все...

– Ваня! Не расстегивай ремень! – взвизгнула Мария Адамовна. – Это... это неприлично!

– Скандалить нельзя, – бесстрастно бубнил охранник, не сдвигаясь от двери ни на миллиметр.

Неизвестно, сколько бы еще бились Коровины о пуленепробиваемого охранника, если бы дверь не распахнулась и к родителям не выскочил сам Андрей. Правда, узнать его можно было не сразу – парень все еще был в гриме и в парике, но он был так счастлив!

– Пап! Мам! А я вас и не ждал! Класс! – проговорил он, поправляя белокурую прядь. – Только мне сейчас некогда. Мне сейчас выходить через пять минут. Ну как вам? Понравилось?

– О-о! Адрюшенька-а! – подросла и Элеонора Юрьевна. – Мальчик мой!

– Баб, а тебе как? Понравилось?

– И-зу-ми-тель-но! – закатила бабушка глаза к потолку. – Хоть кто-то из нас вышел в люди! Это ж какое счастье!

– Погодите... я щас... – пыхтел Иван Михайлович, пытаясь справиться с ремнем. Ремень был завязан проволочкой, поэтому расстегиваться не торопился.

– Что хорошего?! – набросилась на свекровь Мария Адамовна. – Я вас спрашиваю, что тут хорошего, когда мой сын... Андрей! Ты говорил, что работаешь в модельном агентстве! Но ты не говорил кем! Я уж думала – ты там менеджер какой, полы моешь или, на худой конец, заместитель директора, но это ж! Это ж просто...

Дальше Мария Адамовна буквально подавилась словами – ее Андрюшенька протягивал ей весьма ошутимый, плотненький конверт, из которого выглядывали купюры.

– Эт-то... это что? – совершенно другим голосом пролепетала растерянная мать.

– Это, мам, у нас ну вроде как первая получка, – торопливо пояснил сын. – Гонорар за выступление. Ты возьми, а то... ну мало ли чего, сама понимаешь...

– Понимаю... конечно-конечно... – кивнула Мария Адамовна, торопливо заталкивая гонорар в лифчик. – Я понимаю... а как же!

– Во! – пьяненько фыркала Элеонора Юрьевна. – Она п-понимает! А говорила... говорила – что хорошего?

– Да, мама! – зыркнула на нее Мария Адамовна. – Я спрашивала – что хорошего, когда у нас все просто отлично?! Когда у нас все прямо-таки... великолепно! Волшебно, можно сказать!

– Сейчас-сейчас, – наконец-таки справился с ремнем Иван Михайлович, и его штаны тут же упали вниз. – Сейчас я тоже... парочку комплиментов... оставляю... Да что ж такое-то...

– Ваня! – строго рявкнула на него жена. – Немедленно оденься! Тебе здесь столько не заплатят! Не позорь семью!.. Сынок, может, чего-нибудь вкусенького купить? Ты когда домой?

– Вас приглашают, – вежливо обратился к Андрею здоровенный охранник. – Вам уже пора.

– Все, бегу, – кинулся обратно к двери Андрей и лишь на пороге крикнул: – Мам, я сегодня поздно!

Он скрылся в дверях, а мать так и стояла, не шелохнувшись, и лишь крепче прижимала руки к груди, где у нее покоились деньги.

– Все! – наконец очнулась Мария Адамовна. – Нам надо срочно домой!

– Да какое там... – сопел Иван Михайлович, теперь пытаясь завязать несчастный ремень. – Я сейчас пока ремешок вот тут... Маш, ну помоги же!

– Нет, ты посмотри! – воскликнула Мария Адамовна, нисколько не обращая внимания на старания мужа. – Ты только посмотри! Наша матушка уже сидит за чьим-то столиком и всюю угощается винищем! Ваня, ее околдовал зеленый змей... Срочно домой!

– Машенька, ну, может быть... может быть, мы еще отдохнем в ресторанчике, а? – Никак не хотел уходить из такого интересного места супруг. – Ну, когда еще нам выпадет счастье так погулять?

– Я не могу спокойно гулять, когда у меня полная грудь денег! – рявкнула Мария Адамовна. – Забирай мать и идем... по магазинам!.. Я слышала в рекламе, здесь недалеко кругло-суточный супермаркет открылся. А мы там еще ни ногой! Такое упущение!

Она решительно направилась к выходу, и Ивану Михайловичу ничего не оставалось делать, как потрусить за ней следом. Правда, на полпути он опомнился, вернулся и стал вытя-

гивать свою матушку из-за чужого столика. Матушка вытягиваться совершенно не желала, цеплялась за стол, за скатерть и громогласно сокрушалась, что недостаточно тонко воспитала сына.

Глава 2

Уже дома на кухне, когда Мария Адамовна, не накрашенная и в домашнем халатике, потягивала чай из огромной кружки, все еще нарядная Элеонора Юрьевна кокетливо рассказывала:

– А мне, представьте себе, звонит моя Ниночка, она у меня в клубе была...

– Мама! Ты свой клуб «Кухня для графских желудков» еще две недели назад закрыла, – напомнил сын.

– А как мне не закрыть, если на меня эти самые «графья» уже стали наезжать? – обиделась Элеонора Юрьевна. – У одного несварение получилось, у другого – гастрит, а у третьего и вовсе язва оказалась! Сами жрут... господи прости, в три рта, а виновата я получаюсь!

– Мама! Ну при чем тут ваша «Кухня»? – не выдержала Мария Адамовна. – Что дальше-то?

– Так и я говорю! Звонит мне Ниночка и рассказывает, что, дескать, она была в ресторане и углядела там нашего Андрейку! Вот я и...

– Господи! Какой стыд! – ухватился за свои редкие волосы Иван Михайлович. – Позор-то какой! Единственный сын и... и в платье! Я не переживу!

Его маменька вовсе не собиралась драть на себе локоны.

– Ты тоже до третьего класса в мои платья рядился – и ничего, – фыркнула она. – Отец не рвал последние волосы из лысины.

– Сейчас надо подумать... – рассуждала сама с собой Мария Адамовна. – Надо подумать... Нет, с одной стороны, и неплохо, что мальчику платят такие деньги, а с другой... Ну почему обязательно в платье-то? Можно было попросить у отца его выходной костюм... Где-то мы все же его упустили. Не хватило нам мужского воспитания... Железа, я бы сказала... И что-то теперь надо сделать, чтобы ребенок...

– В армию его надо, – быстренько сообразила любящая бабушка.

– Мама! Прекратите истерить! – рявкнула Мария Адамовна. – Вы не генеральша, чтобы я могла спокойно отпускать сына в кирзовые сапоги!

Отчего-то это замечание особенно покорило пожилую леди.

– Да! Пусть я не генеральша! – выпятила грудь Элеонора Юрьевна. – Но зато теперь... теперь у мальчика искривленная психика! По вашей вине!

– И за это искривление, прошу заметить, ему очень неплохо платят, – ехидно поддела Мария Адамовна. – А вот ваш сын!..

– Ну да! Мой сын... мой сын наряжался в платье совершенно бескорыстно! По зову сердца, так сказать! – дернула подбородком свекровь. – И я... я не стыжусь этого! Просто... просто не афиширую! У моего хотя бы хватило ума не вылезать на подиум!

– Боже мой! Что скажут люди? – убивался несчастный отец. Он уже осмотрел весь холодильник, но ничего подходящего к такому случаю не нашел и теперь наливал чай в рюмку. – Что будет? Вот завтра я приду на работу, начну рассказывать о кошках, и тут встанет какая-нибудь Лобова... Нет, у Лобовой собака...

– Я знаю! – вдруг подскочила со своего места Мария Адамовна. – Андрюшу надо женить!.. Ну или хотя бы в кого-нибудь влюбить!

– Ага... – криво усмехнулась Элеонора Юрьевна. – И тогда молодой невестке будет достаться вся его зарплата, а нам... нам только позор на наши седины!

– На ваши седины, мама, – поправила невестка. – У меня еще нет седых волос... Хотя... после сегодняшнего дня надо посмотреть...

– Правильно! – обрадовался папаша. – Женить! Мы его переселим к жене, а там пусть сами разбираются со своими сединами! А я... я скажу, что мой сын уехал... в Америку, да!

– Ничего не «да», – опять не согласилась Мария Адамовна. – Мы его женим, и все подозрения отвалятся сами собой! Его переодевания будут просто... ролью! А что? Разве мало мужчин, которые играют женщин? Но когда они женаты, ни у кого язык не поворачивается думать о них черт-те что! Это вообще никого не смущает!

– Да сейчас вообще никого ничего не смущает, – проворчала Элеонора Юрьевна. – Только я вам ответственно заявляю – если дед узнает... Мы потеряем единственного кормильца!

– Прошу заметить, мама, папа уже не единственный кормилец, – скривился Иван Михайлович. – Наш сын... или дочь... сейчас уже и не разберешь кто... Так вот он... оно... принесло нам неплохие деньги!.. Я уж молчу про то, что мы с Машей тоже... как бы работаем!

– Решено! – поднялась Мария Адамовна. – Мы Андрюшеньку женим! Осталось только найти невесту и ничего не говорить жениху. Всем понятно? Жениху ни слова!

– Но как же тогда... – начал было Иван Михайлович, однако договорить не получилось. В это время в прихожей раздался звонок – это пришел Андрей.

На кухне немедленно поднялась суета, граничащая с паникой.

Пока Мария Адамовна спешно выставляла на стол мясную нарезку, огурчики, помидорчики и даже бутылочку коньяка, Элеонора Юрьевна металась по кухне. Она хваталась за сердце, непрерывно стонала, – и совершенно непонятно отчего. Иван Михайлович и вовсе вытянулся колодезным журавлем и дрожащими руками пытался влить в себя осточертевший чай, дабы освободить тару под коньячок.

– Сынок, Андрюшенька, ну расскажи, как там у тебя... на работе? – сияющими глазами смотрела на сына Мария Адамовна.

– Ах, мне категорически нечем дышать... – выхватила из рук невестки коньяк Элеонора Юрьевна. – Маша! Ну, надо же парня накормить! Ваня, подай нам рюмки... Да зачем четыре? Достаточно нам с Машенькой!

– Да, мама, действительно... – поддакивал Иван Михайлович, наливая коньяк в рюмочки. Себя же при этом тоже не обделил – незаметно плеснул благородный напиток в свою чайную чашку. – Андрюша, тебе сок. Рассказывай.

Андрей, видимо, остался доволен своей работой, потому что улыбка у него была до ушей и сам он весь просто светился от удовольствия.

– Пап, да чего там рассказывать? Вы вот скажите – вам понравилось?

– Да! – яростно мотнула головой Мария Адамовна и строго посмотрела на родственников. – Да, сынок, нам очень понравилось! Оч-чень! Мне так вообще невыносимо понравилось! Такие платья! Вот думаю, может, и себе чего пошить из вашей коллекции...

Иван Михайлович только что залпом выпил весь коньяк из чашки, поэтому отважился на критику:

– А скажи, сынок, что – штанов-то для тебя совсем не отыскалось?

– Ваня! – рявкнула Мария Адамовна, пожирая глазами распоясавшегося супруга. – Мы тут, промежду прочим, про искусство! А ты со своими штанами! Правда же, Андрюшенька?

Предполагалось, что в этом месте щеки сына тронет румянец стыда, глаза начнут бегать, а сам он немного смутится и расскажет, что на такую постыдную работу его толкнула тяжелая, безденежная жизнь... или совесть, которая уже не могла молчать: ведь приличные деньги в дом приносил только дед-пенсионер, да еще родители... не совсем молодые... И ему, Андрею, все простилось бы. Но сын и не думал отводить глаз, краснеть и гореть от стыда. Мало того, по его виду было ясно, что и совесть у парня вполне прекрасно себя чувствует. Андрюша ел, пил и выглядел совершенно в себе уверенным.

– Понимаете, там такое дело... – накладывая себе мясную нарезку, объяснял парень. – Я ж говорил, что моделью работаю. Ну и работал себе потихоньку... Ни шатко ни валко, а тут... Короче, уже все западные модельеры берут для показа женской моды не девушек, а парней.

Парни высокие, у них вообще нет никакой фигуры, идеальные вешалки, любое платье на них смотрится просто шик! Вот и наши решились, чтобы не отставать.

– Ну и правильно, – поддакнула мадам Коровина. – Чего ж наши вешалки-то... то есть парни... – хуже, что ли?

– Правильно-то правильно... – хмельно играла глазками Элеонора Юрьевна. – Только я все думаю – как же ты на такую чудесную работу устроился без военного билета?

– Баб! – фыркнул Андрей. – Да я только пришел, им сразу же так понравился, что они благополучно решили, что армию я уже отслужил!

– Чего ж ты, милый, так в военкомате понравиться не можешь? Пусть бы тоже решили, что ты отслужил, а то ведь...

– Мама!! Мне иногда кажется, что вы – министр обороны! – рывкнула Мария Адамовна, и тут же ее голос снова стал медовым. – Андрюшенька, а какая зарплата? Сколько раз? Сколько платить обещают?

– Ма, ну там обещают платить каждую неделю, – важно разъяснял Андрей. – Ну и примерно по столько же, как и сегодня.

Мария Адамовна вытянулась спицей и на несколько секунд потеряла дыхание. Иван Михайлович от такой вести и вовсе перестал бояться жены и совершенно открыто налил себе полную чашку коньяку. И только Элеонора Юрьевна приступила к активным действиям – быстро подскочила и подрезала еще колбаски, окорока и грудинки – кормильца нужно было хорошо угощать.

– Вот... вот видишь, как... нам повезло... – неизвестно кому сообщила Мария Адамовна и тут же спросила: – Сынок, а у тебя девушка есть?

– У меня есть! – вытаращила глаза баба Нюра. – У меня есть замечательный экземпляр! Оленька! Тоже из наших... из графьев.

– Мама! – зашипела Мария Адамовна, но тут же немного фальшиво засмеялась и добавила: – Ну, зачем столько экспрессии? Мало ли девушек кругом? Почему нужно обязательно из графьев?

– У меня есть! – вдруг рывкнул окончательно опьяневший Иван Михайлович. – У меня есть... Хорошенькая такая... пушистенькая... породистая...

– Прекрати паясничать, – прервала его жена. – Здесь дети!

Андрея все же провести не удалось. Парень отложил вилку в сторону и решительно заявил:

– Дорогие родичи. Я вам сразу говорю – я ни с кем знакомиться не буду! И все! И точка!

– Доигрались? – набычился Иван Михайлович. – Сын теперь и вообще... Останется на бобах... бобылем... Блин! Ну как жить?

Через несколько дней в доме Коровиных ожидали гостей.

На кухне суетились Мария Адамовна и Элеонора Юрьевна, обе кружились возле стола. Мария Адамовна нарезала салат, а Элеонора Юрьевна пыталась красиво разложить на тарелке закуску. Она уже отправила в рот не один кусочек красной рыбки и теперь старательно замаскировывала пустоты.

– Мама, а она точно очень хорошая девочка? – уже в который раз спрашивала Мария Адамовна.

– Машенька! Успокой свое материнское сердце! – щебетала Элеонора Юрьевна. – Оленька – это совершеннейший клад! Это, спешу тебе сообщить, невероятное сокровище! Ты мне потом еще будешь руки целовать за такую невестку!

Мария Адамовна с сомнением хмыкнула.

Да, она волновалась ужасно. Конечно, надо было самой выбрать девочку для сына, но сроки поджимали, а в ее «Клубе знакомств» никого моложе сорока лет вообще отродясь не

водилось. Ну не отдавать же неокрепшую душу мальчика в коварные руки сорокалетних дам! А то, что руки коварные, Мария Адамовна знала доподлинно – деньги за посещение клуба никак не хотят отдавать. Приходится напоминать по двадцать раз. Ну и куда им такой цветочек? Нет уж! Пусть лучше Оленька. Свекровь говорит, что девочка изумительно готовит, совсем ни разу не была замужем и даже имеет отдельную жилплощадь. Правда, совсем неясно, отчего же такое чудо расчудесное еще бегаёт неокольцованным, но... Может быть, это и есть судьба? Хотя некоторые тонкости узнать будет все же не лишним.

– Мама... а как она на внешность? – снова спросила Мария Адамовна. – Она хоть приятная на лицо? Может быть, страшная, как мой грех?

– Машенька! – всплеснула руками Элеонора Юрьевна. – Да Оленька просто красавица! При этом скромная, очень воспитанная, робкая какая-то. Работает продавцом в магазине интимных товаров. Изумительная пара нашему Андрейке!

– Чего интимных-то?! – засомневалась Мария Адамовна. – А правда скромная? И... если уж такая робкая, то может прийти постыдиться?

– Машенька, будь уверена! – усмехнулась Элеонора Юрьевна. – Я ей звонила. Сначала-то она не больно откликнулась. Ну, ты же сама знаешь, мой кружок «Кухня для графских желудков» несколько скандально завершил свою работу, однако... Я сообщила Оле, что я ей должна пару тысяч рублей, и девочка сразу же пообещала прийти! Очень приятная девочка.

Мария Адамовна уже в который раз вздохнула и принялась еще яростнее мешать салат.

А уже вечером в середине гостиной стоял накрытый стол, и Мария Адамовна зорко следила, чтобы никто не посмел стянуть с тарелки ни кусочка.

Андрей сидел тут же, рядом заняла стул бабушка, которая ненавязчиво держала внука за руку. На всякий случай, чтобы не сбежал – деньги-то на этот ужин вон какие вбухали! Парень никуда не рвался и только лениво шелкал пультом.

– Ваня, позвони отцу, – командовала Мария Адамовна. – Спроси, он успел подмениться? Иван Михайлович послушно взял телефон.

– Пап, – заговорил он в трубку. – А тебя не подменили? Надо же, какая жалость. Жалость, говорю, какая! А потому что у нас... К нам приезжает мамина знакомая, очень просила, чтобы мы ее встретили всей семьей. Откуда я знаю – какая! У тебя никак не получится, да? Обидная несправедливость... Хорошо, пап, мы тебе котлеток оставим. Маш... Маша! Папа не сможет быть!

В комнату вошла Мария Адамовна с большим блюдом.

– Андрюша, помоги, сынок, – ласково попросила она.

– Такое ощущение, что меня женят, – фыркнул сын, помогая матери с блюдом.

– Предчувствия его не обманули! – лукаво пропел Иван Михайлович, подкрадываясь к столу.

– Ваня! Что ты мелешь?! – гаркнула на супруга Мария Адамовна. – Андрюша! Успокойся. Мы не так часто встречаем подруг бабы Нюры.

– Ма, ну а я-то тут на фиг сдался? Меня ждут, а я тут... подруг бабушки встречаю! Ну честное слово, ну не поднимется у нее давление, если меня не будет!

– Не перечь матери! – вдруг рыкнул Иван Михайлович. – Я же сижу! И ничего! А меня тоже, может быть...

Мария Адамовна с интересом уставилась на супруга, но в это время раздался звонок в дверь.

– Мама! Открой! – вдруг разволновалась Мария Адамовна и принялась метаться возле стола. Ей вдруг показалось, что чего-то самого главного она так и не сделала. Гуся, что ль, не пожарила? Так она никогда не жарила гусей и не умела даже...

Иван Михайлович подбежал к зеркалу и ненадолго застыл. Эх, любил он себя в зеркале, когда жена наряжала его перед приходом гостей. И волосики вон как расчесаны, и костюмчик... даже и не видно, что этому костюмчику уже не первый десяток лет, и...

Звонок раздался снова.

– Мам. Ну открой же!

– Я не в состоянии! – раздался голос из бабушкиной комнаты. – Я переодеваюсь!

– Ничего-ничего, я сам. – Иван Михайлович поправил на худой шее галстук и отправился в прихожую.

Иван Михайлович был наслышан о прекрасной девушке Оле, и ему не терпелось первому оценить всю ее красоту и скромность.

Перед ним стояла ярко накрашенная девица, в рваных джинсах и в ядовито-зеленой куртке. Ее волосы, раскрашенные во все цвета радуги, не слишком убедительно доказывали ее стеснительность.

– Здравствуй, – перекидывая жвачку из одной щеки в другую, поздоровалась прелестница. – А Коровины здесь?

Иван Михайлович ступешался. Он, видимо, и в самом деле слишком устарел со своими взглядами, но девушка никак на скромницу не тянула. Или это маменька опять что-то напутала? И все же девица ждала, а внизу уже хлопнула подъездная дверь, значит, сейчас пойдут соседи...

– Пр... кх... проходите... – очнулся Иван Михайлович от нерадостных дум и отошел в сторону. – Пройдите. Мы вас давно уже ждем... Машенька! Ты посмотри, кто к нам пришел! Да Маша же!

Мария Адамовна вылетела в прихожую пулей и даже начала придуманный заранее монолог:

– Наконец-то! Мы рады бесконеч... – Завидев гостью, Мария Адамовна поперхнулась и уже во все горло завопила. – Мама!

– Пройдите, не стесняйтесь, – приглашал тем временем Иван Михайлович распрекрасную Ольгу в дом. – У нас можно не стесняться. У нас тут совершенно свободно. Чувствуйте себя как дома.

«Скромница» не заставила себя упрашивать. Она уже ловко водрузила свою куртку поверх выходного пальто Элеоноры Юрьевны, скинула башмаки и уверенно двинулась в гостиную.

А уж там ее встречал празднично накрытый стол.

– Ого! Ни фиги се! – округлились глаза у гостьи. – А у вас че здесь? День рождения, что ли? Класс!

– Садитесь вот сюда, – уже вовсю суетился возле будущей невестки Иван Михайлович. – Садитесь, прошу вас... А вот сюда сядет Андрюша. Андрюша! Ухаживай за гостьей.

Андрей смотрел на все эти «пляски» невозмутимо и спокойно. Лишь уголки губ дрожали.

– Привет, – с усмешкой кивнул он гостье. – Садись сюда. Это у нас не день рождения, это мы встречаем кого-то... Слушай, а ты чего – в самом деле старая подружка бабы Нюры?

– Да ну, глупость?! – испуганно вытаращилась девушка. – Какая подружка? Я тут ваше никого не знаю! Мне Ольга седня звонит, грит, сходи к одной бабуленции, деньги заведи, грит, а то мне некогда. Ну и я пришла. За деньгами, если чё... А вы чё – меня, что ль, встречаете?

Мария Адамовна стояла растерянно посреди комнаты и не знала, что ответить. Отчего-то ей совсем не хотелось, чтобы они ждали именно эту Ольгу! Ну никак не хотелось. А вот Ивану Михайловичу, похоже, было все равно. Он уже уселся возле хамоватой гостьи и старательно кряхтел, открывая пробку шампанского. И это еще больше бесило. К тому же очень хотелось посмотреть в глаза свекрови. Очень!

Элеонора Юрьевна появилась в комнате наряженная в свое самое любимое платье – темно-синий шифон в белый горох с белым воротничком. Очень скромно и со вкусом. Конечно, к платью полагались еще белые, легкие перчатки, но Элеонора Юрьевна решила приберечь эдакую изюминку для свадьбы внука. Она заранее улыбалась Оленьке, но... при виде девушки, лицо у пожилой дамы преобразилось.

– Вы кто? – вдруг просипела Элеонора Юрьевна.

– Я – Надежда, – пожала плечами девушка.

– Ага, – кивнула Мария Адамовна. – Рухнувшая.

– Позвольте! – заволновалась пожилая дама. – Какая такая Надежда, когда должна была прийти Ольга! Откуда Надежда? А Ольга где? Нам вовсе не нужно никаких Надежд! И... И потом – я звонила! Лично вот этими вот самыми руками! Говорила с Олей, и она обещала быть! Куда она подевалась?

Девушка с прекрасным именем Надежда была возмущена не меньше хозяев дома.

– Да вам-то какая разница?! Чё вы к Ольге прицепились? Ну, уехала она со своим Сержиком в дом отдыха! Чё ей теперь, из-за ваших звонков личную жизнь хоронить?!

– Я же говорила! – огорченно пропыхла Мария Адамовна. – Так и знала, что она не придет.

– Так я ж... – возмущенно тарасилась Элеонора Юрьевна. – Я ж... я ей про самое святое сказала! Про деньги!

– Да некогда ей за деньгами мотаться, – отмахнулась Надежда. – Она меня попросила забрать. Грит, вы ей там чё-то должны.

Мужчины Коровины и вовсе не переживали из-за такой ужасной подмены. Андрей только хитро уставился на бабушку и ласково спросил:

– Чего, баб? Неувязочка получилась, а? Не та подружка прикатила? И даже на деньги не клюнула? Ну, у тебя, ба, и подружки, я тебе доложу!

Иван Михайлович вообще был поглощен бутылкой водки, но некая сумятица в поведении близких задела и его.

– У меня возникли сомнения... – сурово уставился он в угол комнаты. – Это что – не та Надежда? Мама! Аргументируй!

Аргументов у бабы Нюры на сей жизненный эпизод не нашлось, а потому она медленно подошла к креслу и рухнула в него без сил.

Однако Мария Адамовна отчего-то все еще жаждала каких-то объяснений.

– Мама! Что это? – сурово нависла она над свекровью.

– Ах, Машенька... – закатив глаза, пролепетала пожилая леди. – Отдай девочке деньги и пускай она уходит. Я сегодня... что-то... неважно себя чувствую.

– Нет, мама! – взорвалась Мария Адамовна. – Это я!! Я себя чувствую неважно! А ты!.. Нет, я, конечно, понимаю, что она из ваших – из графьев! Но я не думала, что до такой степени!

– А чё вы за стол-то никто не садитесь? Или мы еще кого-то ждем? – вдруг поинтересовалась гостя и повернулась к Андрею. – Слышь, тебя, кажись, Андрюхой зовут, да? Наливай, Андрюха!

– А я уже и нали-и-ил! – снова вернулся к столу Иван Михайлович. – Молодежь у нас пьет сок, а вот мы... Мам, Машенька, ну садитесь же за стол, я ж все налил! Прошу!

Женщины неохотно стали подсаживаться, и, может быть, все так и успокоилось бы, если бы не Надежда.

– А чёй-то нам сок? – возмутилась она и тут же снова обернулась к Андрею: – Не, а классно я попала, точно? Прикинь – я целый день седня ничё не ела, а тут тебе – хрясь! И хоть обжуйся!.. Андрюха, а ты чё не ешь? Не тянет?

– Не тянет, – кивнул Андрюха.

– Ха! Влюбился, что ли? – весело вытаращилась девчонка. – Не, поглядите, он у вас не ест и не ест! Точняк вам грю – влюбился!

Мария Адамовна чуть не поперхнулась, но вовремя взяла себя в руки.

– Любовь, Надежда, это очень серьезное чувство... и очень серьезные отношения. Здесь главное...

– Вовремя в кровать прыгнуть, – хихикнула Надежда, толкнув Андрея в бок. – Скажи, да?

Мария Адамовна все же поперхнулась. И пока Элеонора Юрьевна от всей души дубасила невестку по спине, Иван Михайлович уже созрел для тоста.

– Дорогие мои! – чуть пошатываясь, поднялся он. – В этот праз-здничный день... Я хочу выпить...

Жена была уже наготове.

– Возьми вот салфеточку, – сунула она ему в руки салфетку. – Прикрой рот, а то у тебя туда то и дело водка проскакивает. Прямо неудобно перед незнакомым человеком! Одна водка на уме.

– Ой, да чё стыдного-то? – подскочила Надежда. – У меня батя – так у него водка тоже никогда не задерживается! Вообще-то он у меня не пьет, он водитель. Сами понимаете, это тебе как хирург. Так что – ни-ни. Только с гостиницы людей развозит. А там же, сами знаете, командировочных помойка. Ну а им чё надо-то? Водки и девочек.

Девушка с таким азартом рассказывала про своего отца, что совсем не замечала, как медленно вытягивалась шея у Марии Адамовны, а лицо Элеоноры Юрьевны покрывалось багровыми мадежами.

– То есть... папа все же пьет? – решила уточнить Мария Адамовна. – А мама как же реагирует?

– Ха! Да кто ж ее знает, как она реагирует? – отчего-то веселилась девушка. – Мама-то с нами уже лет десять не живет! Она себе какого-то хахалю нашла, так что бате фиолетово вся ее реакция!

– Так-так-так... – вдруг насторожилась Мария Адамовна. – А сколько же лет вашему батю... папе?

– У-у! Все! Я ушел, – поднялся вдруг Андрей и двинулся на выход. – Я к Калашникову! А то звонит, звонит, а я тут застрял...

Мария Адамовна уже мысленно себя прокляла, что дала волю своим производственным чувствам. Ну да, в их клубе совсем нет мужчин. И у нее уже давно ухо само ловит любую информацию о холостяках. Что ж она может с собой поделаться? А вот Андрей совсем не может ее понять. Решил, что сейчас она начнет вербовать этого... батю... в свой клуб! Глупость какая!

– Андрюша! – воскликнула бабушка. – Андрей! Ты не можешь вот так встать и уйти к какому-то Калашникову! Андрюша! На этот ужин столько денег ушло, Андрей! Ты не можешь!

Ответом ей была лишь хлопнувшая входная дверь.

– О, мам. Вот, представляешь, смог! – неизвестно чему радовался Иван Михайлович. – Взял и ушел. К другу!

– Боже мой, – печально вздохнула Элеонора Юрьевна. – Как же тяжело держать дом в своих руках. Одна пытит паровозом, другой куда-то унесся, сломя башку, счастья своего не видит, третий... третий и вовсе убогий – горю семейному радуется. Нет, я не вынесу...

Она лихо вылила в себя полный фужер шампанского, и только после этого ее глаза явно повеселели. Мария Адамовна, решив, что надо из вечера извлечь хоть какую-то пользу, подседа ближе к Надежде и уже душевно спрашивала:

– И что, Наденька, ваш папа совсем неженатый? А, простите, эти командировочные? Они – женатые?

– Ха! Да когда женатые-то в командировках? – мудро рассуждала девушка. – Они, когда к нам в город приезжают, обязательно сразу же становятся хроническими холостяками.

Марии Адамовне просто не сиделось на месте. Ну это же надо, а? Как же она упустила из виду гостиницы? Женщины из ее клуба уже замучились одни танцевать даже в ресторанах. Самым непостижимым образом именно в те дни, когда «ох-счастливицы» появляются в ресторане, – из него совершенно исчезают все мужчины! Нет, Мария Адамовна несколько раз говорила своим дамам, чтобы они не неслись приглашать мужчин еще до того, как зазвучит музыка. Но... рвение к своему счастью так необузданно. И конечно, вся надежда на знакомства у ее клубовцев постепенно тает. Мужчин на горизонте как не было, так и нет, а в то, что их Единственный когда-нибудь встретит дамочку на своем пути... – то есть в ту сказку, которую Мария постоянно им пела, женщины уже переставали верить. Катастрофически нужны были мужчины. И Мария их старательно выискивала, где только можно. А вот гостиницы упустила. Надо же, какая промашка.

– А чего это мы сидим? – оторвал Марию Адамовну от ее мыслей звонкий голос Надежды. – Давайте хоть потрясемся, что ли. У вас музыка-то есть?

Иван Михайлович был собой горд! Именно он предвосхитил желание молодой гостьи и еще вчера вечером подобрал песни на диск. Он подошел к музыкальному центру, и оттуда тотчас же полилась русская народная песня.

Надежда будто этого только и ждала. Она подскочила, вылетела на середину комнаты и стала бешено крутить попой, задирает ноги и крутить руками немыслимые кренделя. Ее движения были раза в три быстрее музыки, но, похоже, это ее несколько не печалило.

Чтобы гостье было не так одиноко, в центр комнаты вышел и Иван Михайлович. Он явно не успевал за быстрым темпом – ноги его слушались плохо, а руки так и норовили смахнуть со стола все тарелки. На его глаза отчего-то то и дело наплывала скупая слеза размером с горошину. К тому же танцор как-то уж очень долго вздыхал, прицеливался и даже крестился перед тем, как присесть. Зато лихо гикал, ахал и охал.

Элеонора Юрьевна не заразилась эдаким весельем, а предпочла утаскивать со стола все блюда, причем первыми отправились в холодильник еще не тронутые салаты и закуски. Ведь столько денег на этот ужин угрохали! Да всей семье Коровиных еще неделю можно смело таким-то угощением питаться! О, кстати. И дед ведь еще не ел. Короче, надо все убрать. Конечно, если гостья не кинется все доедать. Надо было торопиться, пока они пляшут. А эта Маша! Нет чтобы помогла, так она на телефоне зависла. Прямо хоть разорвись!

Мария Адамовна и в самом деле уже болтала по телефону. Ей не терпелось сообщить своим женщинам из клуба, что буквально совсем скоро она откроет перед ними абсолютно новые просторы непуганого Амура!.. За определенную плату, естественно. И если кто-то еще не оплатил членство клуба за этот месяц, пусть ни на какого Амура даже не рассчитывает!

– Надежда! Давайте лучше приступим к десерту! – не выдержало сердце матери. У Элеоноры Юрьевны просто уже сил не было смотреть на то, как молодая кобылка уматывает ее сыночка – далеко не молодого и совсем не мустанга. – Хватит уже Ваню мучить! Да, и еще, Ваня он – для меня и для своей супруги, а для тебя – Иван Михайлович.

– Так ежу ж, понятно! – не переставая скакать, ответила девчонка. – Какой он мне Ваня?! Ха!

– Хорошо хоть кому-то ясна ситуация, – проворчала бабушка. – Я уже вообще ничего не понимаю...

Элеоноре Юрьевне совсем не хотелось кормить гостью десертом, ей хотелось выставить Наденьку вон, но к девице вдруг вспылала огромным интересом Мария.

– Надюша, – поймала девчонку за руку Мария Адамовна. – А нельзя ли как-нибудь так сделать, чтобы эти все мужчины... ну я имею в виду командировочных... чтобы, к примеру, все они собрались в одном каком-нибудь ресторане, а?

– А чё нельзя-то? – пожимала плечами гостья. – Ну, всех, конечно, не соберешь... где их всех поймашь-то? Но штук пять-шесть легко.

– Господи! – воздела глаза к небу Мария Адамовна. – Пять-шесть! Это ж хорошо-то как!

Глядя, как сынок пляшет уже один, размахивая бумажной салфеточкой, Элеонора Юрьевна не выдержала:

– Машенька! Да чего ж хорошего? Он же завтра свалится! Он же тебе не орловский рысак какой-нибудь!

– Да мне бы этих рысаков командировочных... – продолжала мечтать Мария Адамовна. – Мне бы их только в ресторан заманить! А там пусть валяются!

– Надюша! – задыхаясь, крикнул Иван Михайлович. – Предлагаю сплясать еще одну композицию! Заметьте, какую фуиту я сделал правой ногой!

– Хватит уже! Не забывай про свой артрит, радикулит и пупочную грыжу! – рыкнула на сына мать и повернулась к девушке. – Надя, а вы лучше расскажите, чем вы занимаетесь? Работаете? Учитесь? Ваше хобби на последний момент?

– Не, я не учусь, – охотно ответила девушка. – Скока можно, правда ж? Я работаю. Парикмахером, ежели чё. Между прочим, очень модная профессия сейчас.

– Это да... – согласно закивала почтенная дама.

– А хотите, я вам сейчас стрижку забабахая?! – вдруг оживилась гостья. – Не, ну правда! А то у вас эти кудряшки... ну полный отстой! Как овца! Вы как бабка какая-то! Не, ну я понижаю, что вы уже старенькая, но чё уж совсем-то? Как мумия какая-то, чесслово!

Пока «мумия» в ужасном оскорблении беззвучно шамкала ртом, Мария Адамовна вместе с Надей уже вытащили на середину комнаты стул, откуда-то появились расческа и ножницы, а на столе сдвинули посуду и водрузили небольшое зеркало.

– Пойдемте, я вам голову намочу, – деловито скомандовала Надя и потащила упирающуюся Элеонору Юрьевну в ванную.

Элеонора Юрьевна была крайне возмущена.

– Позвольте! – пыталась она отстоять свою сухую голову. – Что значит «намочу»? Я... Я мою голову только раз в неделю! Иначе...

Ее уже никто не слушал, вечер продолжался развлечением «намыль бабушке голову».

Глава 3

Элеонора Юрьевна сидела посреди комнаты с мокрой головой, по ее щекам стекала тушь, а помада и вовсе была размазана по всему лицу. Надежда бегала вокруг нее и щелкала ножницами, в то время как Мария Адамовна восторженно охала и закатывала к потолку глаза. И только Иван Михайлович не мог насладиться красотой матери – он бесстыдно спал в кресле.

– Наденька, – неуверенно лепетала Мария Адамовна. – Мне вот кажется, что височки все же надо как-то... подлиннее бы оставить... Нет? Ну и правда, так тоже хорошо... Чтобы уж вообще ничего не мешало.

– Сейчас. Сейчас мы из нее красавицу сделаем, – с горящими глазами обещала Надя.

– Да не надо уж красавицу... – чуть не плакала Элеонора Юрьевна. – Вы только чудовище из меня не сотворите.

– Вот! – закончив работу, чуть отошла Надежда. – Смотрите!

Честно говоря, с новой прической почтенная леди выглядела куда лучше. Будто лет десять скинула. Теперь вместо старой, степенной матроны на стуле сидела довольно приятная женщина в возрасте, а вот в каком – совершенно непонятно.

Мария Адамовна теперь охала уже совершенно искренне. Да чего там. Она даже пожалела, что не отважилась сесть на этот стул вместо свекрови.

Элеонора Юрьевна, конечно же, не поверила ни этой ветреной девчонке, ни невестке. Но когда взглянула в зеркало...

– Боже мой! Деточка... – задохнулась она от восторга. – Вы совершили чудо! Я вспомнила свою молодость! Тогда я была примерно так же необыкновенно хороша!

– Что? И в молодости красоты-то не наблюдалось? – не могла придушить зависть Мария Адамовна.

– Ах, Машенька! Я только хотела сказать... Но к чему разговоры? За стол! – тут же вспорхнула со стула дама с новой прической. – Деточка, за стол. Немедленно за стол! Мы просто обязаны выпить за твои золотые ручки.

Тост был настолько хорош, что продрал глаза даже Иван Михайлович и бодро потрусил к столу. Однако его супруга быстро толкнула мужа обратно в кресло и весело поддержала:

– За нас, девочки!

Утро Марии Адамовны началось с чьего-то фальшивого пения. Она долго не собиралась просыпаться. Ну просто категорически! Но слушать завывания не было никаких сил.

– Ваня... – сонно пробормотала Мария. – Ваня! Ты не видел мой пеньюар? Да ты спишь, что ли?!

Ваня спал. Ему даже пение не мешало. Чего греха таить – выпил вчера лишнего. А сегодня с самого утра уже наступала расплата. Пока в виде любимейшей жены.

– Машенька... – сладко почмокал губами Иван Михайлович. – Я не видел, куда ты свой халат задевала. Я их не ношу.

– Не знаю, не знаю, – ворчала Мария Адамовна. – Вчера твоя маменька говорила, что ты с детства равнодушен к женской одежде.

Иван Михайлович все же решил не обращать внимания на расплату за вчерашнее, а нагло выспаться. Он ловко перевернулся на другой бок и по комнате поплыл тоненький звук, напоминающий то ли скуление, то ли хныканье. В семье Коровиных это считалось храпом.

Но вот Мария Адамовна уснуть никак не могла. Хотя хотела. Пение все еще продолжалось, мало того, оно становилось еще громче.

– Нет, милый мой, ты не будешь спать, – повернула мужа к себе Мария. – У нас, похоже, смотрины продолжаются!

Муж вздрогнул, прислушался к завываниям и испуганно вытаращил глаза.

– Маша, это... что? Это... Наденька? – моргнул он удивленно. – Это мы что же – опять будем накрывать стол, пить водку чашками и плясать? Маш, я не могу!

Мария Адамовна его уже не слушала – ногами она нащупывала тапки, а руки уже тыкались в рукава халата.

– Сейчас узнаем... – сказала она, нервно завязывая пояс на халате. – Пойдем, муж мой. Да, не забудь надеть тренировочный костюм, у нас в доме посторонняя женщина!

Они вышли из спальни вместе, даже взявшись за руки, чтобы, так сказать, встретить все неприятности одной командой. Вышли и сразу же увидели растерянную Элеонору Юрьевну в ночной сорочке, которая с ужасом пялилась на здоровенные сумки и чемодан в центре комнаты.

– Машенька... – беспомощно лепетала свекровь. – Это что?

– Ваня! – обернулась к мужу Машенька. – Ваня, ты что – глухой? Мама настойчиво спрашивает – что здесь делает этот вещевого рынок?

Ваня ответить не успел – в комнату вошла Надежда.

– Ох, и ни фиги се вы спать! – весело восхитилась она. – А я уже и завтрак приготовила!

Иван Михайлович не любил разбираться с женщинами. И тем более ругаться. Поэтому он стал медленно продвигаться к выходу – сейчас ссоры было не избежать.

Это почувствовала и свекровь и в тихой панике посмотрела на Марию Адамовну. И только Мария еще, видимо, не совсем понимала, в чем дело.

– Наденька, – ласково улыбнулась она и кивнула на вещи. – А ты не знаешь, чьи это баулы?

– Да вы чё! – хлопнула себя по бокам Наденька. – Это ж не баулы. Это ж су-умки. Это ж я из дома к вам переехала. Вы ж меня сами вчера звали! И еще вот... даже ключи сунули. Вы чё – не помните?

Мария Адамовна ухватила утекающего из комнаты мужа за тренировочные брюки и пристально посмотрела ему в глаза. Взгляд ее не предвещал дальнейших благ.

– Это... ты вчера девушке наши ключи передал? – из последних сил улыбнулась супруга.

– Нет, погодите, – вклинилась в нежную супружескую беседу Надежда. – Мария Адамовна, это же вы сами вчера сказали, что очень хотите, чтобы ваш Андрюша на мне женился.

– Хотите, – машинально поправила Элеонора Юрьевна и по-недоброму уставилась на невестку.

– Вот, Машенька, – пыхтел Иван Михайлович. – Сама наболтаешь всякой ерунды, а потом на других сваливаешь.

– А вы, Иван Михайлович, – продолжала удивлять Надежда. – Вы прям назойливо так просили, чтобы я все вещи перетасила. Прямо так просили, просили, а потом и вообще – ногой топнули и сказали, чтобы я вам еще и завтрак утром приготовила. А то вы будете с похмелья, а жена у вас всегда мегера в таком болезненном случае.

Мария Адамовна ловко шлепнула мужа по макушке, ткнула под ребра и запыхтела. Она ждала всеобщего осуждения, но Элеонора Юрьевна на всякий случай рот не открывала. Однако ее тонкий дипломатический ход не помог.

– А вы, баба Нюра, сами мне ключи в куртку и сунули, – добила ее Наденька.

После этого баба Нюра как-то быстро юркнула к себе в комнату и заперлась изнутри.

– Ну так вот, – широко улыбнулась девушка. – Вот она я! Здрасьте! Завтрак готов!

Чтобы окончательно не погибнуть от злости в самом начале дня, Мария Адамовна все же согласилась позавтракать. А там уж что-нибудь придумается. Видимо, так же решили и все остальные члены семьи, потому что к столу собрались все Коровины.

Наденька удивила хозяев чаем с жареными гренками, вчерашней мясной нарезкой и невесть откуда появившейся красной рыбкой и даже бутербродами с красной икрой.

Рыбка, а особенно бутерброды с икрой немного сгладили ужас утренних новостей.

– Вот, Машенька, – широко улыбался Иван Михайлович, – вот если бы ты меня каждое утро такими завтраками кормила, я бы с тобой никогда не развелся.

Мария Адамовна поперхнулась бутербродом, но промолчала.

– Наденька, девочка, – обратилась к Надежде Элеонора Юрьевна. – А парикмахеры, видимо, неплохо зарабатывают, если ты такие завтраки устраиваешь, а? Машенька, тебе еще совсем не поздно переучиться.

– Да что вы! – весело удивилась Надежда. – Откуда у меня такие деньги? Ха! Это я у вашей соседки деньги заняла. Сказала, что вы проснетесь и отдадите. Она такая тетка классная, не нудная ни разу. Сразу пошла и дала мне деньги! Так что... вы ей отдайте, она будет до обеда ждать.

Мария Адамовна вдруг резко подскочила и вынеслась из кухни.

– Я ужасно опаздываю на работу! – донесся из гостиной ее голос. – Ваня! Горе мое! Где мое платье? Серенькое такое, жемчужной такой расцветочки, ты не брал?

Иван Михайлович затолкал остатки бутерброда в рот и поспешил на помощь супруге:

– М-м-м... е-е-е...

– Не строй из себя барана, – вздохнула Элеонора Юрьевна. – Ежу понятно, что тебе тоже срочно приспичило трудиться. Господи, как же тяжело тянуть одной весь этот дом! Я вчера об этом уже говорила.

Сегодня Мария Адамовна на работе в клубе была совсем не так весела, как обычно. Она угрюмо ходила возле окна и грустным голосом оповещала своих членов клуба:

– В этом месяце, дорогие мои, у нас плановое посещение ресторана. А значит, нужно срочно сдать деньги. И лучше до пятницы, чтобы не получилось как в прошлый раз – заказали на семь человек, а пришли девять! И денег никто не сдавал! За что нас с позором вытурили! Стыд на весь город. Где потом женихов-то брать с такой репутацией? Так что, деньги вперед.

Участники клуба недовольно заворчали. А бабушка в стоптанных сапогах – Анна Никитична, и вовсе не могла смолчать:

– Сдаем-сдаем эти деньги, и хошь бы какой заваливший мужичонка к кому прилип...

– А вы, Анна Никитична, можете и вовсе не ходить! – взвилась Мария Адамовна. – Вы, между прочим, еще и за прошлый раз не расплатились. Девочки, не слушайте никого. Не поддавайтесь провокационным настроениям. В этот раз у нас будет очень много приглашенных мужчин! Очень! И все сплошь командировочные... директора, начальники и ответственные работники. Но они к нашей встрече в ресторане были немножко не готовы, так что денег у них нет, и поэтому, естественно, за них тоже нужно внести сумму. Нет, ну если кто-то не желает стать женой начальника нефтяной скважины или супругой директора банка, тогда можете не сдавать. Я могу только предложить вам шанс... может быть, даже последний.

Женщины, вероятно, все видели себя именно женами нефтяных магнатов, потому что дружно полезли в сумки и выстроились в очередь, чтобы сдать деньги. Причем Анна Никитична деньги принесла первая.

– Погодите, – успокаивала желающих Мария Адамовна. – Я не успеваю. Витольд Васильевич, а вы почему так много сдаете?

Единственный мужчина в этом клубе – прыгучий, розовощекий старичок немного замялся, еще пуще заалел и, наконец, выдал:

– Я, видите ли, в чем дело... Я в некотором роде... не один приду. Я с подругой. Она тоже хочет к нам... в клуб. Хи-хи. Ей так замуж приспичило, что прямо нет никакого удержу!

– И это правильно, – похвалила Мария Адамовна. – Только... чего ж вы с ней не создадите дружную семейную ячейку?

Старичок возмутился не на шутку:

– Мария Адамовна! Я исправно плачу взносы! Я первый сдаю деньги на любые мероприятия нашего клуба! И смею надеяться, что мне выдадут молодую, детородную, здоровую супругу! А не эту мою знакомую, которой стукнуло уже пятьдесят лет! Я, в конце концов, имею право! Я за это плачу! И буду платить!

– Да-да, – мило улыбнулась Мария Адамовна. – Я... немного упустила, вы у нас ищите девочек. Простите... Но тогда с вас повышенный тариф. Молодость, знаете ли, сейчас невероятно подскочила в цене.

Старичок бодро полез в потрепанный бумажник, все еще недовольно бурча, а Мария Адамовна тоскливо думала – и где ж она добудет этому мухомору молодую детородную дамочку?

– А мне еще и нет пятидесяти, – вдруг ляпнула Вера Игнатьевна – еще одна желающая выскочить замуж. – Я еще и работаю, и детишек, ежели чего. То тоже могу... когда меня хорошо попросят.

– Вы не мой идеал, – поджал морщинистые губки старичок. Он все же не хотел расставаться с мечтой о прекрасной, юной прелестнице.

– Девочки! – поднялась Мария Адамовна. – А теперь мы будем готовиться к встрече с нашим счастьем. Будем учиться себя подавать.

Она легко выскочила на середину кабинета, высоко вздернула голову, лицо ее засветилось несказанной радостью, руки изобразили замысловатый крендель, зад оттопырился, и женщина в такой позе застыла на две минуты.

Все члены клуба придирчиво ее оглядывали, а особенно рьяные ученицы даже попытались зарисовать.

– Запомнили, как себя надо подать? – отряхнулась Мария Адамовна. – Смотрите еще раз.

Теперь она немного перестаралась – закрутила руки так, что верхняя пуговица блузки расстегнулась, и стало видно бюстгальтер.

Женщина быстро исправилась, застегнулась и дала команду:

– А теперь сами. Пробуем!

Пробовать принялись все и очень азартно. Каждая из женщин старалась поизощреннее закрутить руки, пошире распахнуть глаза, подальше отставить зад и, главное, расстегнуть пуговицу.

– Нет, ну это ужас! – не выдержала Мария Адамовна. – Это... Девочки! Что вы творите? Вера Игнатьевна! Вы бы еще до пупа оголились. Эротике мы скажем наше твердое «нет»! Покажем свой внутренний мир. Танечка! Закройте рот! Я весь ваш желудочно-кишечный тракт вижу. Внутренний мир – это немного другое... душевнее, девочки, душевнее!

У Ивана Михайловича день тоже выдался непростым. Однако очень интересным.

Вообще, он раньше занимался собаками. То есть вел кружок «Дружок» в этом же «ДК». Правда, собак он боялся до ужаса и даже не знал, как их по породам различать, однако жена настойчиво велела работать. И еще – поближе к ней. Ну и... сама сняла кабинет и распорядилась, чтобы собаководами занимался именно Иван Михайлович. Сначала он просто не знал, что делать, но потом ловко вышел из положения – поначитался умных книг, просмотрел несколько брошюр и даже кое-что выписал себе в тетраточку. Ну а после собрал всех любителей собак и ограничивался только теорией. Он держался, сколько мог, но непонятливые собаководладельцы, а также непредвиденные жизненные обстоятельства все же вынудили лектора перейти к практике. Первое же свидание с клыкастыми питомцами своих слушателей привело Ивана Михайловича в дикий ужас. Мало того, он даже понес некоторые потери, как то: лишился стареньких, но еще крепких брюк, а также обуви. После того случая Иван Михайлович долгое время находился в депрессии и оставался бы там до сих пор, если бы не жена. Мария Адамовна категорически отказалась выдавать мужу деньги на мелкие радости жизни, пока он не устроится работать. Пришлось Ивану Михайловичу сменить название своего кружка с «Дружок» на «Пушок» и заняться кошками. К слову сказать, с кошками он тоже доселе не

общался, но как-то было принято, что своих пушистых котеек люди на улицу не выносят и не таскают по всяким там кружкам. И потому Иван Михайлович мог работать совершенно спокойно. А уж литературой нужной он обзавелся.

Вообще, все кружковцы были как на подбор – доверчивые, сентиментальные, очень приставучие и, главное, очень пожилые. Правда, приходили две-три девушки, но уж очень невзрачной наружности. Так что, кроме зарплаты, у Ивана Михайловича других удовольствий от работы не было.

Но вот сегодня к нему записалась не просто красивая девушка, а исключительная фея!

У нее были волшебные волосы, чарующий голос, колдовские глаза и совершенно неземное имя – Кукла!

– Как, простите? – даже не сразу понял Иван Михайлович, когда записывал ее в свой журнал.

– Кукла, – повторила фея своим чарующим голосом.

– Не имя, а кличка какая-то, – фыркнула толстенная дама, которая ходила на занятия только для того, чтобы внушить своей кошечке, что котик, который проживает вместе с ними, – ее сынок и у них не может быть никакого интима. Но ни котик, ни кошечка упрямо не хотели об этом думать, и дама с завидным постоянством надоедала Ивану Михайловичу своими нудными вопросами. Правда, и платила исправно. – У меня у соседки собаку так зовут. Дворняжку. Разве это имя для человека?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.